

Политическое измерение исторического

В последние десятилетия в России и в целом ряде европейских стран развернулись настоящие «бои» за историю. Самым значимым является то, что они разворачиваются не только в академической среде, но и в общественном и политическом пространствах. В статье анализируются факторы и причины, повлиявшие на актуализацию исторического знания и на своеобразие общественно-политической дискуссии по проблемам истории. Особое внимание уделяется тому, как это изменило социальную роль исторического знания и как повлияло на содержание самой исторической науки.

Ключевые слова: модернизация общественного сознания, архаизация общественного сознания, функции исторической науки, историческая память, политическое пространство, политический дизайн.

Проблематика взаимосвязи истории (как систематизированного знания о прошлом) и политики приобрела в последние годы такую практическую и интеллектуальную актуальность, что стала оформляться и исследоваться в качестве предметного поля *«исторической политики»* или *«исторической памяти»*. Несмотря на определенные расхождения в определениях понятия в литературе, можно считать наиболее распространенными интерпретации исторической политики как системы специальных приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические группы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий в качестве доминирующих¹.

Соглашаясь с правомочностью подобного определения, известная немецкая исследовательница исторической памяти Ютта Шерер считает необходимым сделать уточнение о том, что в странах с развитой демократией историческая политика выполняет важнейшую функцию посредничества между формами опыта и памяти, характерных для различных социальных групп².

Российская же ситуация отличается целым рядом существенных признаков. Как указывают авторы обзора об особенностях

использования исторического ресурса крупнейшими российскими партиями КПРФ и ЕР, эти отличия могут быть сведены к следующим.

1. Реальное взаимодействие различных партий и движений в области исторической политики не сложилось в силу общественного опыта работы с историей.
2. Российская партия власти не имеет своей последовательной идеологии и целостного представления об истории.
3. Отсутствует реальная политическая конкуренция³.

Из этих наблюдений авторы делают весьма значимый вывод: «...в России даже в условиях отсутствия политической конкуренции и возможности влиять на политическое настоящее различные партии нередко сталкиваются между собой именно в борьбе за прошлое»⁴.

Причины актуализации исторической политики достаточно всестороннее проанализированы. О. Малинова, например, обращает внимание на две группы причин.

Во-первых, на те, которые превращают коллективную память в постоянный ресурс политики (прошлое является важнейшим символическим ресурсом любого общества; одновременно оно обладает потенциалом, определяющим содержание массовых представлений)⁵. А. Семячко очень тонко подмечает, что крупные исторические события нередко играют роль своеобразных скреп в развитии наций. «Одним из элементов, необходимых для формирования политической нации, является *учредительное событие* (курсив мой. – А. Л.), за которое цепляется народная память», – пишет автор⁶.

Во-вторых, в начале XXI в. эти базовые возможности оказались усилены масштабными и трагическими событиями XX в., новыми техническими возможностями, качествами современных политических процессов⁷. Неслучайно поэтому политические элиты используют исторические знания для собственной легитимации, стремятся с их помощью укрепить солидарность общества, мобилизовать электорат, используют для критики оппонентов⁸.

А. Миллер в одном из своих интервью подчеркивает, что с 2014 г. эта политика не только в России и Украине, но и в Европе стала крайне жесткой и агрессивной⁹. Особенно тщательно политические шаги по управлению историей со времени украинского конфликта были проанализированы В. Гусаровым, сделавшим, однако, неоднозначный вывод о том, что политика в области истории все больше превращает ее (историю) в инструмент информационной войны¹⁰. И. Курилла, проанализировавший феномен своеобразной реабилитации И.В. Сталина, отметил что «язык, подменяющий

политику историей, стал особенно популярен с начала украинского конфликта»¹¹.

В этих развернувшихся «боях за историю», на первый взгляд, очень спокойно ведет себя общество. Общественное мнение, в своем большинстве, спокойно воспринимает и идущие от власти ограничения на право интерпретации исторических событий, и «державные» идеи власти. В своем, как обычно, талантливом интервью А.Л. Зорин излишне резко возложил большую часть вины на профессиональных историков¹². На наш взгляд, есть и более глубокие причины таких настроений и сложившейся атмосферы вокруг «права на историю».

В свое время Э. Хобсбаум высказал быстро ставшее почти хрестоматийным суждение о «долгом» и «коротком» веке¹³. Опираясь на логику его размышлений, допустимо предположить, что могут быть «долгие и короткие» десятилетия. Для истории постсоветской России это вполне очевидно, если рассматривать 1990-е годы. Как правило, исследователи связывают перелом с 1996 годом – временем избрания Б.Н. Ельцина на второй президентский срок. При всей значимости этого факта нередко на стороне остаются некоторые качественные изменения этого перелома.

Еще в начале XX в., анализируя содержание нового этапа движения современных обществ к демократии, Г. Уоллес критиковал специалистов в сфере еще только формирующейся политической науки за то, что они мало внимания уделяют исследованию взаимосвязи между политическим поведением и природой человека. Сам же, делая акцент на этой связи, высказывает два очень важных наблюдения. Во-первых, он выделяет социальные, культурные и расовые факторы в качестве формирующих природу человека. Во-вторых, выдвигает небесспорное суждение о том, что искусство политики сводится к созданию общественного мнения путем эксплуатации подсознательных настроений¹⁴. Эти наблюдения позволяют ему выделить противоречие, имманентно присущее социальному движению к утверждению демократии. Человеческая природа не противоречит идеалам, ценностям и интересам демократии. Однако одновременно чрезмерное расширение демократического участия граждан в социально-политических процессах может высвобождать иррациональные силы человека. Вот почему Уоллес считает необходимым постоянное осуществление рационального контроля над демократическими процессами¹⁵.

Очередная волна демократических транзитов, пришедшая на конец XX – начало XXI в., хотя и по-своему, но в значительной степени подтвердила эти наблюдения Г. Уоллеса¹⁶. «...Демократия, – пишет Майкл Манн, – всегда предполагала возможность тирании

большинства над меньшинствами, и эта возможность оборачивается зловещими последствиями...»¹⁷.

Выход России из коммунизма, начавшийся в период перестройки, сопровождался разрушением *советского мифа*, бывшего во многом основой общественного сознания и социальной идентификации. Этот процесс и сам по себе не мог быть однозначным. Он использовался властью для усиления политических позиций постбрежневской элиты и подготовки к проведению радикальных реформ в сфере внешней политики, управления и экономики. Идеологической основой должна была стать концепция *нового политического мышления*. М.С. Горбачев впервые в советской истории рискнул выдвинуть тезис о приоритете общечеловеческих ценностей¹⁸.

Объявленная политика *гласности* и ориентация на то, что не может быть *зон вне критики*, стимулировали развитие процессов переосмысления прошлого. Однако новая власть очень скоро стала утрачивать контроль над ними. Критическое переосмысление прошлого в заметной степени совпадало с развитием общественно-политических процессов.

Во-первых, официальная историческая наука, как и центральная политическая власть, утрачивала свой авторитет и каналы воздействия на общественное мнение. Формировались более авторитетные центры интерпретации истории. Исторические публицисты, литераторы, интеллигенция национальных республик, любители оказывались более востребованными, чем официальная историческая наука. Непривычный для советского общественного сознания полифонизм в сфере наиболее идеологизированного и политизированного знания порождал одновременно и определенную растерянность официальных структур, непривычных к коммуницированию в условиях возникшего многоголосья, и *сверхожидания* от возможности быстрых перемен и радикального обновления.

Во-вторых, различные интерпретации прошлого, становившиеся нормой, усиливали не только борьбу за право на собственную историю, но и за право на собственную современность. Не только в республиках СССР, но и в административных образованиях внутри России и других республик усиливались претензии на собственную культурную и политическую самостоятельность.

В-третьих, критика советского опыта, начавшаяся с негативных интерпретаций *брежневского застоя*, распространилась на анализ *сталинской эпохи*, а затем и на все центральные вехи советской истории: *революцию, Гражданскую войну, индустриализацию, коллективизацию*. Неизбежным сопровождением активной критики становилась прямая дискредитация исторических событий

и традиционных советских героев. Появление в центре Москвы живых муляжей Ленина, Сталина, публикация в русском издании Playboy фотографий обнаженных моделей на фоне советской символики и многое другое свидетельствовали о размывании большинства традиционных социальных ориентиров.

«С середины 80 – начала 90-х годов... базовый тип советского общества начинает размываться (деградировать, по мнению Левады), новые правила игры начинают формировать новые ценности», – делает вывод С.В. Нестерова¹⁹. Эти перемены, естественно, становились предметом анализа многих исследователей, стремившихся выявить содержание базовых векторов строительства постсоветской социальности²⁰. При всей неоднозначности и внутренней противоречивости этих процессов, на что справедливо указывают исследователи, как и неизбежности доминирования непреодоленного советского социального опыта, трудно формирующиеся новые элиты до середины 1990-х годов вполне могли эксплуатировать настроения значительной части общества, в основе которых были сверхожидания:

- надежды на *быстроту* радикальных перемен;
- надежды на *минимизацию* цены, которую придется платить за глубокую модернизацию общества;
- надежды на то, что неизбежные потери, как в советское время, будут *компенсироваться* государством;
- надежды на то, что есть только вполне *конкретные преграды* на пути к социальному обновлению (засилье коммунистической номенклатуры и их привилегии; диктат «Москвы» т. п.), устранение которых и даст позитивный результат;
- надежды на *всемирное сочувствие*, поддержку, помощь в проведении реформ, благодарность мирового сообщества за проведение демократических реформ.

Новые государственные элиты не только не стремились к рационализации этих, во многом иррациональных, ожиданий и надежд, но всемерно поддерживали их, пытаясь именно в опоре на них выстраивать политику формирования позитивного общественного мнения. «Шоковой терапии» в Польше, кровопролитному распаду Югославии, мощному вооруженному противостоянию в Румынии противопоставляется мирная и более цивилизованная трансформация в России.

Эти ориентации власти не могли быть бесконечно успешными. Борьба внутри самих элит, ослабленное государство, отсутствие опыта управления расколотым обществом, ограниченность экономических ресурсов – все это делало неэффективными манипулятивные технологии и усиливало тенденцию к отчуждению власти

и общества. Власть все более разочаровывалась в собственном народе, а народ все меньше понимал и принимал власть (вполне допустимыми оказываются многочисленные предположения о прямых фальсификациях выборов 1996 г.). Долгое время наиболее весомым аргументом в руках политических элит оказывался тезис о том, что Россия наконец прочно вошла в число «цивилизованных государств» в качестве равноправного и всемирно значимого партнера. Однако и этот аргумент растаял в связи с югославскими событиями 1998 г.

Вместе с тем все более важным для формирования общественных настроений оказывалось действие других факторов. Радикальные экономические реформы очень быстро выявили неподготовленность не только широких народных масс, но и элит к успешной деятельности в условиях рыночных отношений. Реорганизация, например, колхозов отнюдь не привела к созданию эффективных фермерских хозяйств не только из-за ограниченности финансовых возможностей, но и из-за психологической и экономической неподготовленности вчерашних колхозников к успешному самостоятельному хозяйствованию. Одновременно требовалось осознать, что реальная стоимость денег не является константой. Приватизация же промышленных предприятий, проведенная по российским сценариям, тоже не превращала вчерашних рабочих и управленцев в эффективных собственников... Эти примеры можно было бы продолжать, но они достаточно полно описаны в литературе. Государственная власть, выступавшая инициатором разгосударствления, сохраняла за собой многие распорядительные возможности практически вне общественного контроля, что самым естественным образом приводило к усилению роли и обогащению государственной бюрократии. Темпы ее роста превысили темпы роста в советские годы. По существу, восстанавливалась еще дореволюционная традиция, когда именно близость к власти становилась главной предпосылкой и гарантией экономического успеха предпринимателей.

Для нас важно отметить, что процесс проведения реформ и их результаты не могли не вести к трансформации общественных настроений.

Рост криминала, открытая, почти нескрываемая коррупция, прямая террористическая опасность, этнонациональные конфликты – все это влияло на содержание реальной жизни.

Ориентация на резкие прорывы к новому, более высокому качеству жизни постепенно сменялась переориентацией на ценности выживания, сопровождаемой не только *разочарованием* в реформах и демократических ценностях, но и *неуверенностью*,

страхами, растерянностью, социальной дезориентацией. В системе массовых настроений явно стали актуализироваться *иррациональные* компоненты.

Свобода слова и либеральные законы в области СМИ позволяли весьма широко транслировать эти настроения. Очень показательной реакцией населения стало сокращение рождаемости. Россия вступила в полосу затяжного демографического кризиса. «Негативные изменения в рождаемости особенно обострились в начале 90-х годов, — отмечает В.В. Елизаров, — в 1990 г. общий коэффициент рождаемости (число рождений на 1000 жителей) составлял 13,4, к 1999 г. снизился до 8,3. В 1999 г. число родившихся составило 1216 тыс. — самый низкий уровень в нашей современной демографической истории, в 1998 г. — 1283 тыс. человек (для сравнения: в 1987 г. — 2500 тыс. рождений, в 1990 г. — 1989 тыс.). Суммарный коэффициент рождаемости снизился с 2,194 в 1986–1987 гг. до 1,887 в 1990 г. и составил 1,242 в 1997 г. Сократилось как число первенцев, так и родившихся вторыми и третьими»²¹. Наряду с этим широко распространились *иррациональные* социальные практики: финансовые пирамиды, распространение всевозможных лотерей, популяризация гадательных салонов, оккультной литературы т. п. Все это происходило на фоне дискредитации рациональных ценностей, что типично для обществ, переживающих кризисные периоды.

Для нашего контекста важным является еще одно обстоятельство. Развернувшиеся на территории Евразии глобальные процессы трансформаций были отмечены разнонаправленными содержательными тенденциями. Страны демократической Европы подошли к новому уровню межгосударственных отношений и практик, для которых было характерно явное стремление к мультикультурализму и полицентричности. Выходящие из коммунизма страны Европы и Центральной Азии стремились, напротив, к созданию мононациональной государственности. Эти стремления сопровождались иногда высокой степенью радикализма, породившей бегство русскоязычного населения из новых республик Центральной Азии, вооруженные грузино-абхазские и грузино-осетинские конфликты, дискриминацию по языковому и национальному признакам значительных групп населения в странах Балтии.

При столь категоричном различии в направленности основных векторов развития общим оказывалось оживление и актуализация *эмоциональной* памяти, что становилось более действенным и значимым, чем апелляция к рационально организованным пластам исторической памяти. Именно данное обстоятельство создавало

наиболее благоприятные предпосылки для манипулирования общественным сознанием. Поэтому бои за историю разворачивались на различных уровнях социальности, открывая широкие перспективы для использования исторических знаний в политической борьбе.

Актуализация эмоциональной памяти приводила к тому, что формировались предпосылки для использования исторических знаний и представлений как мощного инструмента воздействия на общественные настроения. При этом явно прослеживаются два качественно различных этапа использования исторических знаний в политическом пространстве.

Для *первого этапа* наиболее характерным становится стремление к *модернизации* общественного сознания, преодоление стереотипов социалистического прошлого и социалистических ценностных ориентиров. Модернизация общественного сознания в дискурсе реформаторов включала в себя несколько характеристик: ориентация на западноевропейские ценности (как общечеловеческие), стремление к распространению европейского (североамериканского) образа жизни, раскрепощение личности и индивидуализация общественной жизни. Исторический материал, к тому же эмоционально окрашенный, давал возможность погрузиться в эпоху чудовищных сталинских репрессий, историю российского государства, которое не создавало благоприятных условий для развития личности, заново переосмыслить колоссальную цену, которую заплатили советские народы за победу в Великой Отечественной войне, увидеть, как трудно и противоречиво решались задачи восстановления народного хозяйства. В результате не могли не формироваться представления о сверхдорогой цене, которую платили советские народы за каждый шаг продвижения вперед. Чем более активным оказывалось обращение к советской истории, тем более укреплялось в общественном сознании представление о том, что так, *как мы жили, жить нельзя*, что государство не защищало, не служило народу, а эксплуатировало его, что есть другие, более человеческие, более гуманные пути общественного развития.

Это бесспорно способствовало трансформации общественного сознания, но в реальных социальных практиках реализовались не только позитивные моменты. Кроме роста индивидуальной активности, частных инициатив, открытости общества, свободы СМИ, формировались негативные тенденции к локализации жизни, нарастанию расколов в обществе, раскрепощению не только позитивных, но и негативных элементов социального поведения. Задача консолидации общества в качестве первоочередной

осознавалась и властью, и значительной частью общества. Однако не было сколько-нибудь четких ориентиров, на какой основе или вокруг чего можно сплотить расколотое общество?

К концу 90-х годов стало ясно, что в стране нет общенационального лидера. Феномен М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина оказался слишком кратковременным.

Не реализовались и попытки выработать общенациональную идею. Несколько столетий общенациональная идея питалась представлениями об *особой миссии России*. В национальном самосознании было укоренено представление о том, что Россия спасала мир на протяжении всей своей истории: защитила Европу от монгольской угрозы, принесла себя в жертву на несколько столетий, стала единственной защитницей христианских ценностей, защитила мир от наполеоновской агрессии, была единственным защитником славянского мира, спасала мир от самых мрачных и уродливых форм капиталистической эксплуатации, и, наконец, вершина из вершин – победа над фашизмом. И вот теперь, в 90-е годы, все это растаяло. Россия оказалась зависимой от субсидий и одобрения своей политики другими странами. Выработать новую альтернативную идею не удалось.

Вместе с тем оживились идеи об особом пути России, которая не повторяет западный опыт, но вместе с тем и не является носительницей восточных ценностей. Это могло бы сделать национальную историю центром консолидации общества. Тем более что представление об особенностях весьма близко к понятию мессианства. Неслучайно на протяжении 90-х годов проводятся многочисленные опросы общественного мнения о том, какие события российской истории имеют особое значение и какие общественные деятели сыграли самую значимую роль в российской и мировой истории. Эти опросы проводятся как федеральными социологическими службами, так и СМИ. С событийными характеристиками исторического развития все оказалось неоднозначно. Критика национальной истории в период перестройки и первые постперестроечные годы привели к тому, что не было почти ни одного события, в оценке которого можно было бы достичь общенационального консенсуса. Пожалуй, лишь два из них получали максимальное одобрение и поддержку: *победа в Великой Отечественной войне* и *полет человека в космос*. С оценкой исторических деятелей все оказывалось не менее сложно и противоречиво. К концу 90-х годов, стало ясно, что тройку лидеров в общественных опросах достаточно стабильно возглавляют Петр I, Екатерина II и... Сталин, т. е. главные строители империи и одновременно те, кто создавал и перестраивал большую Европу.

Национальная история не стала консолидирующей идеей, но явно обнаружилось в процессе ее обсуждения формирующиеся запросы. И они были услышаны политическими элитами.

Начало 2000-х годов стало временем глубоких перемен. Новый президент и его окружение оценивали сложившуюся социальную реальность не просто как *расколотое общество*, но как реальную угрозу распаду государства и государственности. Поэтому в центр новой политики и была выдвинута задача консолидации и сплочения. Политические реформы сопровождались значительными подвижками в формировании идеологических приоритетов. Концепциями *управляемой*²², а затем *суверенной*²³ демократии наносился удар по распространенным в 90-е годы представлениям о демократии как универсальной ценности. Следующим естественным шагом стала актуализация идей и представлений о наличии *национальных* ценностей, которые и должны находиться в центре социально-исторического развития народов. Отсюда оставался один шаг (который и был сделан) до признания *традиционных* ценностей в качестве центрального элемента в строительстве современности.

Постепенно в ходе политических и общественных дискуссий стал вырисовываться круг этих традиционных ценностей: *семья, государство, сильная власть, религия, коллективизм*. Сами по себе они настолько универсальны, что могут существовать и в XIX и в XXI в. Однако ясно, что семья или государство XIX и XXI вв. не могут быть идентичными. И вот здесь возникала потребность разобраться в том, какие элементы развития соответствуют *традиционным* ценностям, а какие им противоречат, какие выработаны в ходе естественного развития, а какие насильственно привнесены извне?

Произошел новый всплеск интереса к истории и историческому. Но теперь это формировалось совсем на иной основе. Если в 80-е годы интерес к истории формировался снизу, теперь инициаторами дискуссий становились чаще всего политические элиты (причем это характерно не только для российской действительности). Споры об оценках исторических событий вышли на трибуны парламентов и вошли в официальные заявления и протесты министерств иностранных дел, речи президентов.

При таких переменах потребовались и новые формы организации, и новые методологии исторических исследований. Пожалуй, наиболее открыто существо этого движения выразил В. Мединский в ходе дискуссии вокруг его докторской диссертации: «У меня методология очень простая: я к оценке тех или иных исторических событий подхожу не с абстрактной точки зрения, а с точки зрения национальных интересов государства на данном историческом

этапе», – подчеркнул он (цит. по сообщению ТАСС). Министр подчеркнул, что интересы страны для него важнее «абстрактных позиций, общего историзма»²⁴. На принципиальную опасность для будущего исторической науки уже указал в своей аналитической статье Алексей Макаркин: «Подход, использованный в диссертации Мединского, очень напоминает подход, главенствовавший в период, который наши историки в подавляющем большинстве не любят, – период 1920-х годов. Когда молодые люди мерили истинность, исходя из близости к принципам марксизма-ленинизма. Соответствует что-то принципам марксизма-ленинизма – значит, правильно; не соответствует – значит, колчаковская белогвардейщина! У Мединского идеология совершенно иная, больше напоминающая графа Уварова с его “православием, самодержавием, народностью”. Но большой разницы в этом на самом деле нет, если брать сам подход. И там и там имеет место подгонка фактов под идеологию. Факты соответствуют идеологии – и прекрасно, не соответствуют – значит, источники врут!»²⁵.

Такое небрежение к правилам академического сообщества в сфере истории вряд ли было возможным, если бы за предшествующие десятилетия историческое знание не было органично включено в российский политический дизайн. Все началось с сомнений в целесообразности наличия в образовательном пространстве нескольких вариантов учебников по отечественной истории. Даже президент высказался о том, что различные трактовки истории в школе не способствуют консолидации общества, а ведут к росту непонимания. Естественно, развернулась работа по подготовке единого учебника истории для школы (правда, мало кто учитывал, что это отнюдь не исключит конкуренции интерпретаций школьного учебника с широким и разнообразным интернет-пространством). Параллельно с этим шел процесс создания общественных объединений историков, которые почему-то возглавлялись высшими чиновниками РФ. Нередко даже МИД РФ выступал с резкими заявлениями в связи с интерпретациями исторических событий. Постепенно определялся круг исторических тем и проблем, исследование которых оказалось под пристальным общественно-политическим контролем. Определенным этапом в этом процессе стало принятие решением Министерства образования об обязательности ЕГЭ по отечественной истории для всех выпускников средних школ. (Как известно, ЕГЭ проводится в форме тестов. А тест исключает вариативность суждений. Только один ответ может быть признан правильным.)

Считать подобный процесс уникальным только для российской действительности было бы и неверным, и ошибочным.

В большинстве молодых стран познавательная и развивающая функции истории оказались подчиненными задаче формирования и защиты «традиционных» национальных ценностей.

Примечания

- ¹ См., например: *Миллер А.И.* Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3. С. 6–23; Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Нов. лит. обозрение, 2012; *Семячко А.* Политика памяти: как и зачем государства формируют свою историю [Электронный ресурс] // Т&Р. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/politics-of-memory> (дата обращения: 15.08.2017); и др.
- ² *Шерпер Ю.* Историческая политика в демократических обществах: Инициатива гражданина // Общая тетрадь: Вестн. моск. шк. граждан. просвещения. 2010. №1 (51).
- ³ *Бондаренко С., Щербакова И., Черникова Ю.* Российская историческая политика: особенности использования исторического ресурса в деятельности «Единой России» и КПРФ [Электронный ресурс] // Мемориал. URL: <http://old.memo.ru/d/2856.html> (дата обращения: 14.07.2017).
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Малинова О.* Прошлое, которое не прошло: что ищут политики в истории [Электронный ресурс] // Forbes. 02.02.2015. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-opinion/279017-proshloe-kotoroe-ne-proshlo-chto-ishchut-politiki-v-istorii> (дата обращения: 11.06.2017).
- ⁶ *Семячко А.* Указ. соч.
- ⁷ *Малинова О.* Указ. соч.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Миллер А.И.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Гусаров В.* Фальсификация истории как эффективная информационная политика [Электронный ресурс] // Информационное сопротивление. 07.07.2016. URL: <http://sprotyv.info/ru/news/kiev/falsifikaciya-istorii-kak-effektivnaya-informacionnaya-tehnologiya> (дата обращения: 10.07.2017).
- ¹¹ *Курилла И.* «Возвращение Сталина»: как понять обострение исторической политики в России? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 11.10.2016. URL: <http://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Vozvraschenie-Stalina-Kak-ponyat-obostrenie-istoricheskoi-politiki-v-Rossii-18419> (дата обращения: 20.07.2017).
- ¹² Запрещать обсуждать победу – значит приравнять ее к поражению / Интервью с А.Л. Зориным [Электронный ресурс] // Полит.ру. 6 окт. 2009. URL: <http://polit.ru/article/2009/10/06/zorin/> (дата обращения: 19.08.2017).
- ¹³ *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий XX век: 1914–1991. М.: Независ. газ. 2004.
- ¹⁴ *Wallas G.* Nature in Politics. L.: Constable, 1908.

- ¹⁵ Wallas G. Op. cit.
- ¹⁶ См., например: *Мани М.* Темная сторона демократии: Объяснение демократических чисток. М.: Пятый Рим, 2016.
- ¹⁷ Там же. С. 40.
- ¹⁸ См.: *Горбачев М.С.* Новое политическое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987.
- ¹⁹ *Нестерова С.В.* Некоторые особенности политической культуры в современной России (психологический аспект) // Гражданская культура в современной России: Сб. науч. работ грантополучателей МОНФ. М.: МОНФ, 1999. С. 82.
- ²⁰ См., например: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993; *Левада Ю.А.* «Человек советский» пять лет спустя: 1989–1994: предварительные итоги сравнительного исследования // Эконом. и соц. перемены: Мониторинг обществ. мнения. 1995. № 1. С. 9–14; *Шестопал Е.Б.* Демократические ценности в сознании россиян // Обществ. науки и современность. 1996. № 2. С. 45–60; *Вайнштейн Г.И.* Формирование гражданского общества: ожидания и психологическая реальность // Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998. С. 204–220; и др.
- ²¹ *Елизаров В.В.* Демографический кризис в России: факторы и последствия [Электронный ресурс] // Государство и антропопоток. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a115.htm> (дата обращения: 10.07.2017).
- ²² Подробнее см.: *Балзер Х.* Управляемый плюрализм: формирующий режим В. Путина // Обществ. науки и современность. 2004. № 2; *Кравченко В.* «Управляемая демократия» в России: миф или реальность? // Телескоп. 2005. № 1. С. 47–48; *Прибыловский В.* Что такое «управляемая демократия»: концепция, история, российский опыт [Электронный ресурс] // Информац.-аналит. центр Сова. 17.03.2005. URL: <http://www.sova-center.ru/democracy/publications/2005/03/d3986/> (дата обращения: 15.07.2017); и др.
- ²³ См.: *Сергеев Г.Г.* Феномен суверенной демократии в политической жизни современной России // Изв. Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: Политика и политические науки. 2007. С. 184–188; Суверенная демократия: от идеи к доктрине: Сб. ст. М.: Европа, 2008; и др.
- ²⁴ Владимир Мединский надеется на профессионализм ВАК в оценке его диссертации [Электронный ресурс] // Коммерсант.ру. 05.10.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3429388> (дата обращения: 05.10.2017).
- ²⁵ *Макаркин А.* Мединского подвела методология [Электронный ресурс] // Полит. ру. 03.10.2017. URL: <http://polit.ru/article/2017/10/03/disser> (дата обращения: 03.10.2017).